

Александр Тилни

перевод Натальи Флейшман

ожидания
Бена
Уикса

18+

МИ∞

Глава 1. Наконец-то

Новичкам велели выстроиться вдоль самой дальней стены цокольного этажа корпуса Хоули. Эннис Квинн, капитан здешней команды по спортивной борьбе и самый брутальный шестиклассник в их корпусе, выступил вперед из компании старших ребят, и Бен Уикс невольно прижался лопатками к холодной бетонной стене. Бен старался как мог, чтобы его нервно-восторженное возбуждение не было уж слишком очевидным. Он так долго ждал, когда же наконец сюда попадет!

Между тем Эннис с коротко остриженными, как у всех в борцовской команде, волосами цвета крафтовой бумаги принялся расхаживать туда-сюда перед новичками, свирепо выпучив глаза и водя кончиком языка по губам. Он словно был вылеплен из более тугого и плотного материала, нежели все остальные.

Со всех сторон стояли старшие ребята из их общекития и, дружно покачиваясь, приглушенными голосами — дабы их не услышали обитавшие двумя этажами выше преподы — в унисон скандировали:

— Новичок в Сент-Джеймсе лишнего не болтает! Новичок в Сент-Джеймсе лишнего не болтает! Новичок...

Бен чувствовал, насколько перепуганы остальные стоявшие с ним в ряд новенькие, и испытывал к ним какую-то покровительственную жалость. Он бы рад был поведать им все то, что рассказывал ему старший брат Тедди, окончивший эту школу минувшей весной. Что их ожидает какая-нибудь знатная битва подушками, только и всего, — то, что обычно происходит по всему кампусу, на цокольном этаже каждой общаги. Что это сплотит их. Что, прибыв сюда разрозненными чужаками, они выйдут из стен этой школы едва ли не будущими шаферами на свадьбах друг у друга.

Однако сейчас он наблюдал, как Эннис зловеще расхаживает перед ними. Бен все ждал, что тот примется что-то говорить или ругаться — хоть как-то начнет предстоящее испытание! — однако парень лишь продолжал ходить перед новичками взад и вперед. Между тем скандировавшие свой лозунг старшеклассники перестали производить нужное впечатление: они уже столько раз успели повторить одни и те же слова, что из фразы выдохся весь смысл.

Теперь Бен предчувствовал, что все окажется куда сложнее, нежели он предполагал раньше. Эннис продолжал ходить, так ничего и не говоря, как будто ожидая, что кто-то другой его к чему-то подтолкнет. Разумеется, все старшеклассники были в подпитии, хотя Бен не подходил ни к кому настолько близко, чтобы это унюхать. Новички же по-прежнему неподвижно и молча стояли вдоль стенки со встрепанными ото сна волосами. И в душе у Бена начал ворочаться страх — неведомый прежде страх, что его вот-вот могут ударить. И боязнь того, что сейчас здесь разыграется нечто совсем отличное от того, на что он рассчитывал.

Сосед Бена по комнате, Ахмед, был единственным здесь новичком, который не смотрел отсутствующим неподвижным взором на водосточный желоб в бетонном полу, ожидая, когда же наконец все начнется, чтобы поскорее могло закончиться. А еще Ахмед был единственным новичком, явившимся сюда в халате — в вафельном, грязно-белого цвета халате с малиновым кантом. Сдвинув брови, он провожал глазами расхаживающего туда-сюда Энниса. Что, мол, вообще такого сделал этот Эннис, чтобы тут командовать?

В тот день, войдя в дверь своей комнаты в общежитии, Бен впервые встретился глазами с Ахмедом, очень смуглым парнем в роскошной, сливового цвета

рубашке, и про себя поразился тому выражению лица, что обнаружил у соседа по жилью — контрастирующему со всеми прочими лицами, которые он мог наблюдать в школе Сент-Джеймс. В нем читались восторженный интерес и полное отсутствие лукавства. И вот теперь Ахмед стоял рядом с ним, сжимая и разжимая кулаки: сожмет — разожмет, сожмет — разожмет... Бен наблюдал за Ахмедом, а Ахмед следил глазами за Эннисом. А тот по-прежнему мерно расхаживал перед ними, не произнося ни слова, как будто внутри него просто сломался какой-то механизм.

У Бена столько всего было за душой, чем он мог бы себя взбодрить! Мысленно он вновь очутился перед многими рядами глаз, сияющих за кортом, — именно так он увидел болельщиков, торжествуяще вскинув над головой правую руку с ракеткой, когда победил на последнем этапе Национального турнира по сквошу среди юношей до пятнадцати. Бен попытался вновь испытать то ликование победителя, так же, как тогда, проникнуться чувством триумфа. Сам Мэнли Прайс, тренер по сквошу в школе Сент-Джеймс, с нетерпением ждал, когда же он, Бен, придет и присоединится к его команде. Потом Бен представил лицо своего старшего брата Тедди, напрочь лишенное каких-либо сомнений или страха, когда тот описывал и занятия в Сент-Джеймсе, и поздние посиделки с друзьями в общаге, и ночные шатания по лесным чащам. Еще ему вспомнилось лицо Хатча, сидевшего на другом конце навеса для каноэ в летнем лагере «Тонгахивин», когда тот кичливо вещал другим ребятам, как классно будет в Сент-Джеймсе. Еще Бен воспроизвел в памяти школьные фотографии своего дяди и своего отца, а также дедушки и всех прочих Уиксов на протяжении истории всей его семьи, которые на снимках выглядели совсем как он в эти

минуты. Страх был сейчас естественен, страх являлся неперменной частью нынешнего посвящения. И как бы то ни было, Бен чувствовал себя на своем месте, он был причастен к здешнему миру, и это представлялось ему самым естественным и самым правильным началом его пребывания в школе.

— С-с-салаги! — громко прошипел вдруг Эннис. — С-сейчас мы увидим, кто из вас с-самый крепкий и крутой!

Снова Эннис надолго впал в сосредоточенное молчание, и вся уверенность Бена как-то разом сошла на нет.

— Сейчас мы выясним, кто из вас самый храбрый! Кто самый сильный! Самый быстрый! Кто самый лучший из вас! Кто лучший?! Лучш-ш-ший!

Тут Эннис сжал перед собой кулаки и, опустив голову к груди, принялся зловеще скандировать:

— Лучш-ший! Лучш-ший! Лучш-ший!..

Казалось, утро нового дня наступит еще очень и очень нескоро.

После двух часов езды по раскаленной на солнце автостраде отец Бена свернул на съезд № 20 к Довертону, где вдоль дороги имелась целая полоса давно заброшенных заведений: автомоек, некогда торговавших надувными матрасами магазинов, опустевших автокафе и прочих торговых лавок вроде пиццерии Uno, магазина с оргтехникой и канцелярией Staples и фастфуда Boston Chicken. И Бену подумалось: когда же школа построит наконец собственный съезд с трассы 93, чтобы не приходилось проезжать мимо всей этой неприглядной картины опустения — с раскинутыми во все стороны по небу проводами, с парковками

без единого автомобиля перед похожими на кафе и рестораны строениями, с зияющими пустотой окнами без стекол. Потом они миновали массивное здание из красного кирпича, где располагалась довертонская психиатрическая лечебница, потом — бежевый дом муниципальной старшей школы, потом — заправку Citgo, приютившуюся отдельно, на собственной залитой бетоном площадке.

Дорога постепенно сужалась. Теперь дома́ по обе стороны дороги казались точно просевшими, как будто вагонка на их стенах крепилась к отсырелому поролону.

Затем лес, словно избавившись наконец от человеческих построек, раскинулся вольготно и стал именно таким лесом, какой у всех обычно и ассоциируется с Новой Англией. Бен взволнованно вытер ладони о шорты цвета хаки. Он вроде бы уже настолько приблизился к своей новой, столь долгожданной реальности — но теперь ему вдруг остро захотелось, чтобы они еще добрых несколько часов ехали до места. Или можно было бы просто пойти с отцом побродить по лесу, разглядывая целые полосы лишайника на широких гранитных плитах. Дома́, еще несколько лет назад, они прогулялись как-то по лесу и принесли с собой кусочки лишайника, чтобы найти их изображение в объемистом справочнике, лежавшем на кофейном столике в библиотеке. С тех пор эта книга так и осталась там лежать в полнейшей неприкосновенности.

Багажник их универсала «Вольво» был аккуратно уложен вещами. С собой Бен вез две большие спортивные сумки с одеждой и постельным бельем, три новенькие — считай, только доставленные из магазина — удлиненные ракетки для сквоша Prince Extender, полкоробки тоже новеньких мячей для сквоша с желтыми точками,

выдающимися в нем опытного игрока¹, фирменные спортивные очки в белой оправе, пару теннисок Hi-Tec. Еще он вез с собой старенький стереомагнитофон, что отдал ему Тедди, а также картонный тубус с двумя бережно свернутыми постерами: плакат группы Led Zepplin и гравюра М. К. Эшера. Еще в багаже лежали шипованные бутсы, кроссовки для бега и коричневые оксфорды. Еще была ярко-красная бейсболка, что тоже отдал ему Тедди, с надписью Marlboro Racing и изображением гоночной машины «Формулы-1». Внутри Бен аккуратно положил две свернутые футболки и все это обернул флисовой курткой, чтобы в набитой сумке бейсболка не деформировалась. Имелся и небольшой компьютер Mac Classic, небольшое деревце шеффлеры в плетеной корзинке, часы-будильник, зубная щетка, зубная паста, дезодорант, шампунь-кондиционер. Новая теплая куртка North Face Mountain тоже, любовно свернутая, лежала в сумке с вещами — Бен, помнится, до слез желал ее заполнить.

Между тем они ехали под густыми кронами деревьев, без малейшего просвета перекрывавшими небо. Бен все ждал, когда же у дороги покажется табличка указателя частной школы Сент-Джеймс. Он приезжал сюда множество раз — на те или иные юбилейные торжества, турниры по сквошу (на одном из которых удостоился памятного рукопожатия от Мэнли Прайса), матчи с участием Тедди, просто на родительские дни.

А задолго до того отец Бена приезжал сюда на поезде со старого, величественного Пенсильванского вокзала²;

¹ Наиболее опытные и профессиональные игроки используют мячи Dunlop Pro. Такой мяч имеет две желтые точки и часто называется «мяч с двумя желтыми точками». *Прим. ред.*

² Старый Пенсильванский вокзал, истинная гордость Нью-Йорка, был снесен в 1963 году. *Прим. пер.*

и так же приезжал его дядя, а до этого — и дедушка, который на черно-белой фотографии, гордо выставленной на каминной полке у них дома в гостиной, улыбался рядом с Бобби Кеннеди; и так же приезжал сюда брат дедушки, чье имя значилось в свидетельстве о регистрации Совета по международным отношениям.

А еще задолго до всего, что упомянуто выше, в Нью-Бедфорде, штат Массачусетс, в ту пору являвшемся еще колониальной территорией, их предок Сэмюэль Уикс слыл парусных дел мастером и шил вручную паруса для единственного в тех местах китобойного судна под названием «Вулкан». Вскоре он уже заправлял процветающим предприятием, которое изготавливало паруса и строило лодки, а его сыновья впоследствии вкладывали немалые деньги в судоходство и импорт товаров, занимая значимые посты в правительстве штата.

И вот осенью 1856 года, дабы вооружиться необходимыми знаниями и достойно продолжить традиции своего рода, двенадцатилетний Томас Уикс в легком двухместном экипаже, влекомом парой дымчато-серых лошадей, приехал в местечко Годз-Покет, штат Нью-Гэмпшир, дабы встретить первый учебный день первого семестра самого первого учебного года только основанной школы Сент-Джеймс.

Родители Томаса тогда сильно рисковали и образованием своего сына, и, как следствие, его дальнейшим окружением, и вообще будущим семьи, доверившись новой педагогической концепции. Дело в том, что один довольно молодой министр, отпрыск друга их семьи, решил основать нарочито удаленную, закрытую от мира и огражденную от всех его искушений, безопасную образовательную гавань посреди старых дремучих лесов. В те времена известные частные учебные заведения — такие как Академия Филлипса в Андовере, Эксетерский

университет или Академия Милтон — еще не были закрытыми пансионами. Учебные корпуса там строились вдоль главных улиц тамошних городов, и студенты жили в местных семьях или же в сдающихся меблированных комнатах. Однако в каждом семействе знали как минимум пару-тройку юношей, вернувшихся из академии с серьезными проблемами по части пьянства и азартных игр, и это была главная ошибка существовавшей системы. Смысл новой идеи состоял в том, чтобы уберечь сыновей от разных городских развлечений и соблазнов ради их должной подготовки к ожидаемому поприщу.

И вот, заявляя о столь разительном своем отличии от прочих учебных заведений, школа Сент-Джеймс выбрала своим символом не орла, и не льва, и не дракона — а *муравья*. На школьной эмблеме изображен был черный трудяга-муравей под раскрытой Библией, а ниже значился девиз: *Vade ad formicam*³. На семейство Уиксов это произвело впечатление. Все учащиеся жили там вместе в закрытом кампусе под непосредственным присмотром учителей. Вместе они проходили одну и ту же программу по латыни, риторике, математике и теологии, вместе трудились, следя за порядком и в корпусах, и на прилегающих территориях. И после четырех лет учебы родительский риск окупился многократно.

Томас поступил в Принстонский университет и стал одним из первых инвесторов резиновой промышленности. Семейство Уикс внесло немалый вклад в производство резиновых шин, уплотнительных прокладок, автомобильных дворников, обувных подошв, конвей-

³ Полная фраза из Библии звучит так: *Vade ad formicam o piger et considera vias ejus et disce sapientiam* («Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым»). *Прим. пер.*

ерных лент, латексных перчаток и прочего и прочего, оказавшегося весьма востребованным в современном мире. Причем, надо сказать, деньги считались в их семье не физическим имуществом, а скорее доверительной собственностью, а их владелец — доверительным управляющим, куратором.

Историю семьи Бену пересказывали множество раз, всячески напоминая об особой важности такого происхождения. Однако чаще всего он воспринимал ее как нечто очень родное и близкое, а потому не видел в ней ничего особенного. Фотография Томаса Уикса с шестью другими выпускниками школы Сент-Джеймс — первого ее выпускного класса — незатейливо висела на стене в задней прихожей дома Бена, и порой он, опершись на деревянные брусья заднего крыльца, разглядывал их лица и задавался вопросом: а когда, интересно, вошло у людей в правило изображать для фотографии улыбку?

Почти сразу же школа Сент-Джеймс прославилась как одна из очень немногих действительно успешных стартовых тренировочных площадок для новой американской аристократии, такой нервной и непостоянной, и очень скоро еще несколько школ переняли эту своеобразную концепцию.

Однако в середине 1990-х изначальный замысел школы, имеющий во главе угла умышленную удаленность и закрытость от внешнего мира, — этот замысел начал трещать по швам и в дальнейшем мог лишь разваливаться еще сильнее. У большинства учащихся школы Сент-Джеймс уже имелась электронная почта, и в считанные годы все общежития на кампусе были подключены к широкополосному интернету. А затем и сленг хип-хопа зазвучал куда круче, нежели та лексика, что некогда расцвела на странном, каком-то галапагосском наречии

Grateful Dead⁴. И спустя немного времени воспитанники школы уже не меньше чем все прочие подростки просматривали втихаря порно, болтали в чатах с друзьями, оставшимися на родине, сидели на переменах в фэйсбуке, выкладывали что-то в соцсетях и каждый день общались с родителями по сотовому телефону. А их родители имели возможность звонить учителям и интересоваться той или иной отметкой за тот или иной тест или чьим-то решением не выставлять его отпрыска во втором тайме той или иной игры.

Но тогда, в начале девяностых, до всего этого еще было далеко. В ту пору, когда Бен с отцом подъезжали к кампусу, можно было на протяжении целого семестра не видеть никаких новостных телепрограмм и не слышать никакого коммерческого радио, а на каждое общежитие приходился один лишь таксофон, стоявший на цокольном этаже. И хотя с тех пор, как отец Бена окончил эту школу, через ее ворота уже успели просочиться компакт-диски хип-хоп-группы N.W.A.⁵ и видеофильмы с Питером Нортон⁶ — все-таки удаленность заведения еще играла свою роль. И здесь еще возможно было избежать отвлечения внимания юных воспитанников на посторонние вещи. Только как долго такой расклад мог продержаться?

⁴ *Grateful Dead* (досл. «Благодарный мертвец») — американская рок-группа с лидером Джерри Гарсией, основанная в 1965 году в Сан-Франциско. После выступлений на фестивалях в Монтерее (1967) и в Вудстоке (1969) заняла значимое место на американской музыкальной сцене и в контркультуре. *Прим. ред.*

⁵ *N.W.A.* (англ. *Niggas With Attitude* — «Нигеры со своим мнением») — американская хип-хоп-группа из Калифорнии, считающаяся одной из основательниц поджанра гангста-рэпа с криминальной тематикой. Существовала с 1986 по 1991 год. *Прим. пер.*

⁶ *Питер Норт* (р. 1957) — канадский порноактер, кинопродюсер и порнорежиссер. *Прим. пер.*

Наконец между двумя гранитными столбиками оказалась белая табличка с надписью «Школа Сент-Джеймс».

Отец Бена отстегнул ремень безопасности и въехал на крайний изгиб длинной подъездной аллеи. По обе стороны дороги высилась густая и нестриженная хвойная изгородь, которая на какое-то время даже загородила собой слепящее солнце, и машина медленно покатила между деревьями.

В приемном комплекте бумаг (а при виде толщины этого пакета Бена всякий раз омывало волной уверенности) сообщалось, что у него в общежитии будет сосед по комнате, вот только, кем окажется этот сосед, не упоминалось. Бен очень радовался, что у него появится товарищ по жилью. Благодаря этому парню Бен будет иметь возможность продемонстрировать всю свою компетентность в здешних делах, все знания, что он перенял от Тедди. С тех пор как ему доводилось приезжать в Сент-Джеймс и встречаться с приятелями брата, он хорошо усвоил, что если фамилия какого-то ученика звучит очень знакомо, то это отнюдь не совпадение. Да, да, это были та самая бывшая на слуху продовольственная фирма, или тот самый знаменитый производитель стали, или тот самый известный банк. Бен со своим соседом по комнате будут вместе осваивать здешний школьный сленг, у них появятся свои, непонятные всем прочим, шутки, они вместе будут знакомиться с девочками, а после станут делиться друг с другом впечатлениями. Бен научит своего соседа, как правильнее держаться в столовой или в «берлоге» — как по традиции ученики называли здешний клуб с залом отдыха, кафетерием и игровыми автоматами, — поведаст ему, что однозначно не следует носить, или объяснит, как заставить старшекласников

считать, что ты достаточно крут для новичка, но все же не пытайся казаться чересчур крутым. Или что, заходя к кому-то в комнату, ни в коем случае не следует стучаться, потому что стучаться в дверь обязаны лишь препода, и если кто-то к тебе постучался — значит, пришел препода.

Бен со своим товарищем по комнате разузнают, как достать выпивку (Бен пока что вообще не представлял, где ее можно достать, — ну так это дело наживное!), и другие ребята захотят прийти к ним распить за компанию. Со своим соседом по комнате Бен будет общаться куда теснее, нежели с тем парнем, с которым он познакомился в лагере «Тонгахивин», — с Тейлором Хатчинсоном, или просто Хатчем. И Хатч намного сильнее захочет дружить с Беном, потому что Бен окажется как бы уже занятым, не столь для него доступным. Летом педагоги «Тонгахивина» разрешили Хатчу отправиться в долгий поход на каноэ, хотя тому и не исполнилось четырнадцати, а на лагерных «индейских» танцах он, говорили, увлек Хизер Риз к теннисным кортам. По слухам, этим летом у них вообще все развернулось по полной программе. Хатча два лета подряд выбирали «Лучшим в лагере» — но он лишь насмехался над наградой, говоря, что только всякие подлизы получают этот приз.

— А вот Уикси, точно знаю, был бы не прочь его урвать, да? — сказал однажды за обедом Хатч, довольно ощутимо толкнув его кулаком в плечо.

Поскольку на самом деле Бен и впрямь был бы очень рад получить «Лучшего в лагере», он густо покраснел, а ребята за столом рассмеялись. И Бен в ответ тоже толкнул Хатча кулаком в плечо, но совсем легонько.

Кстати, узнав, что Бен тоже собирается поступить в школу Сент-Джеймс, Хатч проникся к нему гораздо большим уважением.